

писано привлекательно. Особенно исторія революціи разработана заново и именно тремя изслѣдователями: Тэнъ, на основаніи огромнаго матеріала, охарактеризовалъ исторію новѣйшей Франціи; Сорель въ трехтомномъ трудѣ „L'Europe et la Révolution“, излагающемъ дипломатическіе переговоры первыхъ лѣтъ революціи, съ философско-дипломатическимъ взглядомъ показалъ вліяніе революціоннаго переворота на европейскія государства; Шюке въ семи томахъ описалъ войны революціи отъ Вальми до осады Майнца по архивнымъ документамъ. Ученые знаютъ его уже давно, какъ редактора „Revue critique“ — органа, который много содѣйствовалъ поднятію уровня историко-философскихъ знаній во Франціи. Богатство историческаго матеріала доставили въ послѣднее время литература о Наполеонѣ I и мемуары свидѣтелей этой великой новѣйшей эпопеи. Въ особенности большой успѣхъ достался мемуарамъ генерала Марбо ¹⁾; авторъ ихъ оказался весьма опытнымъ писателемъ. Исторія іюльской монархіи разработана Тюрю Данженомъ въ семи томахъ. Историкъ Эрнестъ Лависсъ вмѣстѣ съ Габріелемъ Моно, редакторомъ „Revue historique“, не мало сдѣлалъ для улучшенія высшаго преподаванія исторіи, для студенческихъ обществъ, для пробужденія настоящей университетской жизни. Въ настоящее время подъ руководствомъ Лависса и Рамбо молодыя силы работаютъ надъ составленіемъ исторіи европейскихъ государствъ, издаваемой фирмой Коллэнъ.

Ф. Т.

Англійская литература.

Каждый, кому приходилось сколько-нибудь внимательно слѣдить за англійской литературой послѣднихъ двухъ или трехъ десятилѣтій, долженъ, положивъ руку на сердце, сказать, что главнымъ преобладающимъ направленіемъ въ ней является чисто утилитарное стремленіе къ нравственной проповѣди. Вмѣстѣ съ тѣмъ характерную ея черту составляетъ погоня скорѣе за количествомъ, чѣмъ за качествомъ производимаго матеріала. Англійскіе авторы, а въ особенности авторши вообще полагаютъ, что гораздо лучше написать сорокъ, шестьдесятъ или даже цѣлую сотню заурядныхъ романовъ ²⁾,

¹⁾ См. „Вѣстникъ Иностр. Лит.“ 1891 г., №№ 9, 10, 11 и 12.

²⁾ Миссъ Браддонъ разрѣшилась, вѣжета, на дняхъ уже сотымъ своимъ романомъ.

чѣмъ художественно отдѣлать одно, или два превосходныхъ произведенія. Во многихъ случаяхъ британскіе беллетристы начинали свою карьеру съ самыми благими художественными намѣреніями и создавали дѣйствительно прекрасныя вещи. Затѣмъ, однако, рѣшивъ, что можно пріобрѣсти такой-же, или быть можетъ еще болѣе обширный кругъ читателей, производя литературный товаръ не столь высокаго качества, они отодвинули художественные идеалы на второй планъ, гдѣ ихъ покрыла пелена густаго тумана, и подъ конецъ вынесли свои таланты на торжище. Въ качествѣ выдающихся примѣровъ можно было-бы привести Вальтера Безанта и Гарди ¹⁾. Необходимо замѣтить, что проституція таланта достигаетъ встаети своего апогея въ тотъ самый моментъ, когда деньги текутъ наиболѣе обильной струею въ карманы авторовъ. Дѣйствительно, у англійскихъ писателей, пользующихся извѣстностью, денежный успѣхъ произведеній оказывается какъ разъ обратно пропорціональнымъ художественному ихъ достоинству.

Трудно отыскать теперь въ Англии книгу, написанную безъ предвзятаго утилитарнаго замысла. Такъ, въ романахъ „Rusk“ и „A Dog of Flanders“ Уйда отстаиваетъ право собакъ; въ „Heart and Science“ Уильяма Коллинса возстаетъ противъ вивисекціи; въ „Wages of Sin“ Л. Мэлетъ проповѣдуетъ будничную мораль, въ „Azrael“ г-жа Мона Кейрдъ восхваляетъ свободную любовь, наконецъ, въ „Robert Elsmere“, — г-жа Уардъ излагаетъ вліяніе антидогматической религіозности на клерикально настроенные умы ²⁾. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ и во множествѣ другихъ, имъ подобныхъ, поставленная цѣль создала и самую книгу. Эта цѣль, т. е. тема, которую имѣется въ виду защитить, предсуществуетъ въ умѣ автора. Романъ, или повѣсть пишется лишь для того, чтобъ провести предвзятую цѣль, — изложить и защитить излюбленную тему...

Безъ сомнѣнія, добродѣтель сама по себѣ дѣло прекрасное. Тѣмъ не менѣе, рассматривая въ совокупности всю англійскую литературу, нельзя не признать открывающіяся передъ ней перспективы до чрезвычайности мрачными. Утилитарное стремленіе писать всегда съ предвзятою цѣлью положительно губить

¹⁾ Первые и наиболѣе выдающіеся романы Безанта: „All sorts and conditions of men“ и „Children of Gibeon“. Лучшими романами Гарди надо признать: „Far from Madding Crowd“ и „Tess of the d'Ubervilles“.

²⁾ Г-жа Гемфри Уардъ — супруга редактора художественнаго отдѣла въ газетѣ „Times“. Книга ея вызвала въ жизни учебное заведеніе Эльсмерголлъ на Гордонъ-скверѣ. Это закрытое учебное заведеніе, въ которомъ проводятся въ лекціяхъ теоріи, изложенныя въ упомянутой книгѣ, имѣетъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, на девяносто воспитанниковъ почти такое-же число профессоровъ.

искусство въ литературѣ. Въ данномъ случаѣ позволительно признать безразличнымъ, какая именно цѣль имѣется въ виду — матеріальная или же нравственная. Англійскіе писатели какъ нельзя лучше выяснили себѣ, что у нихъ на родинѣ вѣрнѣйшее средство набить себѣ карманы гинейми заключается въ уснащеніи своихъ произведеній возможно большимъ количествомъ высоконравственныхъ изреченій.

Одной изъ наиболѣе выдающихся особенностей современной англійской литературы является участіе въ ней несмѣтнаго множества женщинъ-беллетристокъ. Массовое ихъ вліяніе оказывается громаднымъ и въ общемъ своемъ результатѣ крайне прискорбнымъ. Англійскія романистки, за рѣдкими исключеніями, положительно неспособны написать порядочную повѣсть, такъ что произведенія ихъ оказываются специально предназначенными для какихъ-нибудь сектантовъ и влюбленныхъ институтокъ. Хорошая половина этихъ романистокъ описываетъ восторги страсти, тогда какъ другая половина воспѣваетъ сладость самоотверженнаго отреченія отъ любви, но обѣ онѣ дѣлаютъ это въ одинаковой степени неудачно.

Женское царство въ литературѣ, во главѣ котораго стояли когда-то Шарлотта Бранте, Гарриетъ Мартино, Джэнь Аустинъ и Джоржъ Эліотъ, озаряется теперь сотнями гораздо менѣ крупныхъ свѣтилъ.

Съ соціальной и утилитарной точки зрѣнія, разумѣется, можно защищать роль женщины-писательницы, такъ какъ она даетъ заработокъ многимъ дѣвицамъ и дамамъ, которымъ безъ того было бы, пожалуй, не легко прійскать себѣ занятіе. Зато съ точки зрѣнія искусства результаты получаются самые плачевные. Изъ числа всѣхъ литературныхъ дамъ едва-ли отыщется одна, которая хоть сколько-нибудь давала бы себѣ отчетъ о томъ, что такое именно художественное произведеніе и въ то же время обладала хотя бы даже самымъ отдаленнымъ представленіемъ о количествѣ упорнаго труда, какое должно быть въ него вложено. Онѣ пишутъ романы и повѣсти съ плеча, совершенно такъ же, какъ еслибы это были письма къ какимъ-нибудь подругамъ или обожателямъ. Дѣло въ томъ, что нынѣшній верховный жрецъ англійской литературы, достопочтенный мистеръ Мюди, охотно принимаетъ въ свой книжный магазинъ всякій романъ, способный заинтересовать высокими своими достоинствами касиршу сосѣдней мясной лавки и въ то же время безъ малѣйшей церемоніи захлопываетъ двери передъ самымъ художественнымъ произведеніемъ, если только оно, къ несчастію, идетъ въ разрѣзъ

съ ходячими мнѣніями или предразсудками большинства потребителей книжнаго товара.

Нѣтъ правила безъ исключенія и въ качествѣ такого можно указать на г-жу Кемпбель Прэдъ. Это—истинный художникъ по части анализа страсти. Ея „Nadine“ представляетъ собою безспорно замѣчательную вещь и можетъ быть признана однимъ изъ лучшихъ образчиковъ психологическаго романа. Во всякомъ случаѣ, на одну истинно талантливую женщину приходится многія сотни такихъ, которыя, повидимому, явились на свѣтъ съ предвзятою цѣлью утопить Англію въ безбрежномъ морѣ своей бессодержательной болтовни. Разговоры въ ихъ повѣстяхъ вообще держатся на уровнѣ начальной школы, а представленія о любви являются одновременно и поверхностными, и смѣшными. При всемъ томъ произведенія ихъ оказываются въ данную минуту ходкимъ товаромъ. Англія томится теперь неутолимою жаждой новыхъ романовъ и повѣстей. Для удовлетворенія этой потребности библіотеки и читальни должны каждое утро поставлять новый ассортиментъ беллетристическихъ произведеній, подобно тому, какъ торговли и торговцы молочнымъ товаромъ поставляютъ самое свѣжее, по ихъ увѣреніямъ, молоко и масло. О томъ, каковы эти романы и повѣсти съ художественной точки зрѣнія, разумѣется, не стоитъ и говорить: способъ ихъ фабрикаціи выясняетъ это краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

Другимъ интереснымъ фактомъ въ нынѣшней англійской литературѣ оказывается необычайное развитіе въ ней въ послѣднее время того, что называется полицейскимъ романомъ. Первымъ пионеромъ по этому отдѣлу беллетристики слѣдуетъ признать Эдгара Аллена Поэ. Въ „Mystery of Marie Roget“ и въ „Gold Bug“ онъ выводилъ постепенно цѣлую исторію преступленія изъ малозначущей, повидимому, интриги. Система эта была въ послѣдствіи доведена многими французскими романистами до высокой степени совершенства. Величайшимъ изъ англійскихъ писателей въ этомъ жанрѣ былъ покойный Вильки Коллинсъ, который хотя и уступалъ въ мастерскомъ построеніи интриги французскому специалисту по этой части Габорию, но зато обнаруживалъ гораздо большее богатство фантазіи. Какъ бы то ни было, романъ преступленія или, точнѣе сказать, полицейскій романъ, обошелъ вокругъ свѣта и вернулся на родину, обогатившись во время путешествія новыми жизненными соками. Онъ пустилъ глубокіе корни въ Америкѣ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ „Leavenworth Case“ и другія подобныя же произведенія. Эпидемія „преступнаго“ романа проникла даже

въ Австралію, гдѣ двѣ остроумныхъ по замыслу вещи „Mystery of a Hansum Cab“ и „Queen Midas“, написанныя, впрочемъ, самымъ отчаяннымъ колониальнымъ жаргономъ, породили массу подобныхъ же произведеній, авторы которыхъ заработали цѣлую уйму денегъ.

Трудно полагать, однако, что въ самой Англии этотъ литературный жанръ, особенно же въ модныхъ теперь видоизмѣненіяхъ, характерными образчиками которыхъ являются произведенія Рейдера Гаггарда, могъ свить себѣ прочное гнѣздо. Какова бы ни была жажда сильныхъ ощущеній, все таки нѣтъ ни малѣйшей возможности непрерывно пить кровь и прислушиваться къ болѣзненному визгу несчастливцевъ, которымъ надѣваютъ на голову раскаленные до-красна горшки, какъ это описывается въ одномъ изъ романовъ Гаггарда: „She“. Лучшими вещами у Гаггарда слѣдуетъ признать „King Salomons Mines“ и „Jess“. Послѣ нихъ онъ сталъ вдаваться въ варіаціи на прежнія темы и дѣлать безцеремонныя заимствованія у другихъ писателей.

Л. Стевенсонъ является въ свою очередь дѣйствительно оригинальнымъ умомъ, придавленнымъ, впрочемъ, и парализованнымъ рамками, которыя ему ставятъ нынѣшнія условія англійской литературы. Тѣмъ не менѣе, читая такія вещи, какъ „New Arabian Nights“, „Treasure Island“, „Kidnapped“, „Merry Men“ и „Master of Ballantrae“, чувствуется, что мощь вымысла, совершенно механическая у Гаггарда, является напротивъ того у Стевенсона животворной. Нѣкоторыя мѣста въ „Master of Ballantrae“ вынуждаютъ волей-неволей догадываться о томъ, какимъ могучимъ драматическимъ писателемъ могъ бы едѣлаться Стевенсонъ, еслибъ въ Англии имѣлся теперь спросъ на оригинальныя драматическія произведенія.

Въ Англии теперь нѣтъ оригинальной драматической литературы, сколько нибудь достойной этого имени. Лучшія нынѣшнія англійскія пьесы являются передѣлками съ французскаго, или съ нѣмецкаго. Все остальное — сенсаціонныя пьесы самой шаблонной постройки и не имѣющія никакого литературнаго значенія. Онѣ написаны лишь для того, чтобъ заманивать публику роскошными костюмами, сложной сценической постановкой и смѣшить ее комическими эпизодами, вставленными въ болѣе или менѣе соотвѣтственныя мѣста. Во времена королевы Елизаветы англійскій театръ служилъ выраженіемъ мысли благороднѣйшихъ британскихъ поэтовъ. Теперь же въ царствованіе королевы Викторіи онъ служитъ выраженіемъ мнѣній и стремленій

безграмотной черни. Вмѣстѣ съ тѣмъ распространеніе кафе-шантановъ оказываетъ въ Англіи губительное вліяніе на театр.

Поэзія въ Англіи переживаетъ теперь періодъ упадка, особенно обострившійся по смерти лорда Теннисона. Единственнымъ достойнымъ преемникомъ Теннисону въ качествѣ лучшаго изъ современныхъ англійскихъ поэтовъ слѣдовало бы признать Свинбэрна, осмѣливагося въ своихъ поэмахъ и балладахъ вернуть царственный вѣнецъ безсмертной Венерѣ, которую британскій пуританизмъ свергнулъ съ престола и обезчестилъ. Свинбэрнъ въ поэмѣ „Atalanta in Calidon“ воскресилъ волшебное очарованіе древне-греческой драмы и соединилъ его съ непримѣрнымъ въ Англіи, со временъ Шелли, музыкальнымъ совершенствомъ формы. Его „Марія Стюартъ“ является одной изъ превосходнѣйшихъ историческихъ трагедій. „Trufram and Iseult“, „Пѣсни передъ разсвѣтомъ“, „Итальянскія пѣсни“ и др. доставили ему въ англійской литературѣ почетную извѣстность. Тѣмъ не менѣе, онъ, вслѣдствіе республиканскихъ стремленій, высказывающихся въ его произведеніяхъ, очевидно, не можетъ занять мѣсто придворнаго поэта, такъ что возможными кандидатами на этотъ постъ остаются только Люисъ Моррисъ и Альфредъ Аустинъ. Но это не вдохновенные барды въ древнемъ значеніи этого слова, которые пѣли потому, что душа у нихъ была переполнена страстной волной міровой гармоніи. Оба они пишутъ на заданныя темы. Благородная простота чистаго искусства ихъ не удовлетворяетъ. Гоняясь за популярностью, они разбавляютъ поэзію условною моралью, одѣваютъ Венеру въ балахонъ и стараются изложить стихами катихизисъ англиканской церкви. Такимъ путемъ они дѣйствительно добиваются популярности, но платятъ за нее цѣною униженія искусства и разрушенія имѣвшихся у нихъ задатковъ поэтическаго дарованія.

Люиса Морриса сравниваютъ съ Теннисономъ. Онъ и въ самомъ дѣлѣ обладаетъ всѣми недостатками покойнаго придворнаго поэта, не имѣя его достоинствъ, въ томъ числѣ и музыкальнаго совершенства стиха. Правда, что Теннисону случалось иногда уступать вѣяніямъ времени, но онъ дѣлалъ это лишь минутами, когда поэтическое вдохновеніе его покидало, Моррисъ же именно и вдохновляется, если можно такъ выразиться, вѣяніями времени. Онъ всегда поучаетъ и проповѣдуетъ. Всѣ его поэмы разбавлены такимъ количествомъ наукоученія, при которомъ оказываются какъ разъ удовлетворяющими культурному уровню боннъ и молодыхъ дѣвицъ, обу-

чающихся еще въ пансіонѣ. Онъ дѣйствительно старается подражать манерѣ Теннисона, причемъ напоминаетъ, однако, пажа, который въ отсутствіе рыцаря тщетно пытается поднять увѣсистый его щитъ и силится размахивать мечемъ, слишкомъ тяжелымъ для ребяческой его руки.

Что касается до Альфреда Аустина, то онъ въ свою очередь старается копировать Уордсворта. Надо отдать должную справедливость наблюдательности Аустина. Онъ прекрасно изучилъ живыя изгороди, яблони, птичьи гнѣзда, водяныя лиліи, всякихъ комаровъ, мошекъ, и ознакомился даже съ водопадами. Ему съ точностью извѣстно среднее число яицъ, какое кладетъ самка полевого воробушка и строительные матеріалы, употребляемые для гнѣздъ щеглами и зябликами. Уордсвортъ не сообщалъ такихъ обстоятельныхъ и точныхъ естественно-историческихъ свѣдѣній, но былъ способенъ на нѣчто большее. Онъ обладалъ безсмертнымъ ясновидѣніемъ поэта, дивно преобразующимъ все сущее...

Необходимо замѣтить, что утилитарное направленіе, столь губительное съ точки зрѣнія истиннаго искусства, обнаруживается теперь въ Англіи не въ одной только изящной литературѣ, но, если можно такъ выразиться, — вездѣ и всюду. Такъ, напримеръ, картины, продающіяся теперь въ Англіи, пишутся сплошь и рядомъ на нравоучительныя темы, какъ напр.: „Лазарь у дверей богача“, „Сестра милосердія у изголовья больного“, „Благодѣлительная дама (одѣтая, разумѣется, всегда роскошно), раздающая на крыльцѣ своего дома милостыню неимущимъ“, „Кающаяся грѣшница, возвращающаяся въ родительскій домъ“ и т. п. „Путь погибели“ Фрита можетъ служить хорошимъ образчикомъ такихъ нравоучительно художественныхъ произведеній. Подобныя картины пользуются громадной популярностью по той-же самой причинѣ, какъ и тенденціозные романы. Дѣло въ томъ, что въ Англіи теперь совершается процессъ все большей демократизаціи, распространяющійся также и на искусство. Чисто художественныя идеалы, трудно доступныя пониманію толпы, оказываются въ опалѣ, а вмѣсто нихъ требуется въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣленная и удобоосязуемая душеспасительная цѣль.

Такъ называемое спиритуалистическое движеніе, начавшееся съ половины нынѣшняго столѣтія, обусловило появленіе въ Англіи и въ Америкѣ множества литературныхъ произведеній, вообще говоря, не представляющихъ особенной цѣнности. Отъ времени до времени, однако, въ грудѣ этого мусора попадаются

драгоценные камни и жемчужины. Такъ напимѣрь даже и въ этомъ краткомъ обзорѣ англійской литературы нельзя не упомянуть о Лауренсѣ Олифантѣ и его супругѣ *). Она несомнѣнно талантливая писательница. Ея книга „*Sympneumata*“ замѣчательное произведеніе, а „*Scientific Religion*“ (которую не слѣдуетъ смѣшивать съ „*Religion of Science*“ Грегэма) представляетъ собою самую смѣлую и энергическую попытку, которая была когда-либо сдѣлана съ цѣлью примирить выводы современной науки съ религіозными догматами. Какъ-бы ни было, не подлежитъ сомнѣнію, что въ современной Англій главныя умственные силы трудятся преимущественно надъ обработкой чисто научныхъ вопросовъ, и что теозофія, или оккультизмъ **) имѣетъ характеръ какъ-бы отзвука или отраженной волны преобладающаго теперь чисто научнаго стремленія, незадающагося никакими побочными цѣлями, а направляющагося прямо къ отысканію истины. Она для человѣка науки дороже всего на свѣтѣ. Между научными и чисто художественными стремленіями существуетъ коренная рознь. Увлеченіе наукой должно было ослабить художественные импульсы. Не слѣдуетъ забывать, что поэзія имѣетъ преимущественно дѣло съ прекраснымъ, а не съ истиннымъ. Какъ только мы вышли изъ очарованнаго царства молодости и начинаемъ задавать себѣ зловѣщія вопросы: „Правда-ли это?—Лежатъ-ли въ основаніи этой поэмы легенды или дѣйствительные факты?“ мы уже распростились съ поэзіей. Языческія религіи основаны были на лжи и самообманѣ, но онѣ оставили намъ статуи древнихъ боговъ, являющіяся образцовыми художественными произведеніями.

Не подлежитъ сомнѣнію, что стремленіе къ разработкѣ научныхъ вопросовъ, такъ энергически проявлявшееся въ Англій за послѣднее тридцатилѣтіе, оказалось далеко не безплоднымъ. Одно перечисленіе именъ Дарвина, Герберта Спенсера, Гексли, Тиндаля, Льюиса и др. немедленно вызываетъ мысль о величественныхъ успѣхахъ научнаго знанія. Дарвиновскія идеи мало по малу проникли въ англійскую литературу и оказали на нее

*) См. о нихъ «Вѣстн. Ин. Лит.», № 11, стр. 313 и слѣд.

**) Первымъ англійскимъ теозофическимъ романомъ была «*Strange Hystorie*» Бульнера Литтона (въ 1862 г.). Такими же стремленіями проникнуть и другой его романъ «*The coming Race*». Въ числѣ наиболее замѣчательныхъ послѣдующихъ теозофическихъ романовъ можно упомянуть: „*David Elginbrod*“—Джоржа Макъ-Дональда, „*Mr. Isaac*“, „*Zoroaster*“ и „*Witch of Prague*“—Маріонъ Кроуфордъ, „*A Modern Zoroastrian*“—Самуэля Ленга, „*Massollam*“—Лоуренса Олифанта, „*Karma*“ и „*United*“—Сионета, „*The Radjas heir*“—анонима автора, „*On the Height of Himalay*“ новѣйшее произведеніе—американца Фанъ-деръ-Мэйллена.

могущественное вліяніе. Особенно сильно отразились онѣ на поэзіи. Даже Теннисонъ въ послѣдніе годы своей жизни вынужденъ былъ противъ воли имъ подчиниться. Въ одномъ изъ послѣднихъ его произведеній, изящной маленькой поэмѣ „By an Evolutionist“ излагается въ нѣсколькихъ художественныхъ стихахъ вся нравственная сторона дарвиновой теоріи эволюціи.

Нынѣшнее утилитарное направленіе англійской литературы характеризуется также безчисленнымъ множествомъ сантиментальныхъ и нравоучительныхъ стихотворныхъ произведеній, которыя пишутся спеціально для переложенія на музыку. Авторы ихъ, составляющіе какъ бы „лагерную челядь“ литературы, пользуются тѣмъ не менѣе громаднымъ вліяніемъ вслѣдствіе своей многочисленности и несмѣтнаго количества, въ какомъ распродаются ихъ произведенія. Систематическое подчиненіе вкусамъ и фантазіямъ композиторовъ, которые, фабрикуя продажную музыку, въ свою очередь подчиняются вкусамъ и требованіямъ улицы, разумѣется, не могло содѣйствовать созданію образцовыхъ поэтическихъ произведеній. Съ другой стороны, нельзя отрицать и того, что самыя дивныя и наиболѣе мелодичныя творенія великихъ англійскихъ лирическихъ поэтовъ оказываются неудобоперелагаемыми на музыку. Трудно въ точности уяснить себѣ, чѣмъ это обусловливается. Надо полагать, что когда поэма является сама по себѣ уже вполне законченной дивно гармонической системой, то всякая попытка переложить мелодію слова на ноты неизбѣжно вызываетъ нѣкоторое разстройство въ первоначальной гармоніи *).

Лучшій изъ англійскихъ лирическихъ поэтовъ, Шелли, представляетъ поэтому почти непреодолимыя препятствія для переложенія произведеній его на музыку. Свинбэрнъ, хотя и уступаетъ ему въ лирическомъ талантѣ, зато является первокласснымъ знатокомъ стихотворнаго размѣра. Онъ, какъ извѣстно, обогатилъ англійскій языкъ значительнымъ числомъ такихъ образцовъ этого размѣра, которые считались до тѣхъ поръ собственными исключительно французскому языку. Немудрено поэтому, что его произведенія еще труднѣе поддаются переложенію на музыку.

Надо принять также во вниманіе, что большинство композиторовъ не понимаютъ поэтическихъ красотъ произведенія, на которое налагаютъ святотатственную свою руку. Сфабри-

*) Лирическія произведенія Гейне легче другихъ перекадываются на музыку.

кованный ими акомпаниментъ остается совершенно чуждымъ духу поэмы. Отсутствие художественнаго дарованія у стихотворца только облегчаетъ его произведеніямъ коммерческій успѣхъ при переложеніи ихъ на музыку. Тѣмъ не менѣе въ массѣ популярныхъ романсовъ попадаются изрѣдка и какъ бы случайно недурныя вещицы. Таковы, напр., „Garden of Sleep“ и „Parting Hour“ Клементя Скотта. Кое-что порядочное найдется и у Клифтона Брингэма. Наконецъ Фредерика Уитерли можно признать настоящимъ поэтомъ, хотя, разумѣется, низшаго порядка. Онъ написалъ множество романсовъ и пѣсенъ, которые были переложены на музыку Темплемъ и Адамсомъ. Романсы эти приобрѣли въ Англіи громадную популярность и доставили колоссальные барыши торговавшей ими фирмѣ Бузи. Она нажила на нихъ цѣлое состояніе. Въ качествѣ одной изъ популярнѣйшихъ пѣсенъ Уитерли заслуживаетъ упоминанія „Dresden china“, которая можетъ разсматриваться и съ художественной точки зрѣнія какъ настоящая поэма. Страшное распространеніе въ Англіи сантиментальныхъ и нравоучительныхъ стихотвореній съ аккомпаниментомъ легкой популярной музыки является характерною чертою, непредвѣщающей ничего путнаго съ точки зрѣнія интересовъ чистаго искусства.

Оскорбленное такими явленіями художественное чувство испытываетъ нѣкоторое облегченіе лишь въ надеждѣ на возможность реакціи противъ нынѣшняго утилитарнаго направленія. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія литературная дѣятельность молодого еще писателя Оскара Вильде, пользующагося тѣмъ не менѣе значительнымъ вліяніемъ на англійскую мысль и литературу. Вильде восторженный проповѣдникъ искусства для искусства. Воззрѣнія его на этотъ предметъ изложены въ недавно вышедшемъ томѣ прозаическихъ очерковъ, озаглавленныхъ „Intentions“. Замѣчательнѣйшимъ произведеніемъ Оскара Вильде надо признать „Picture of Dorian Gray“. Оно чрезвычайно смѣло по замыслу и несмотря на свои недостатки можетъ считаться художественно законченнымъ. Автора можно упрекнуть лишь въ чрезмѣрномъ пристрастіи въ парадоксамъ и въ наклонности навязывать иной разъ дѣйствующимъ лицамъ неподходящія для нихъ мысли. Во всякомъ случаѣ этотъ романъ свидѣтельствуетъ о крупномъ художественномъ дарованіи Вильде. Поэтическія его произведенія, напечатанныя въ 1881 году, представляли интересъ не столько сами по себѣ, сколько потому, что обѣщали нѣчто въ будущемъ. Съ тѣхъ поръ поэтическая сторона таланта Вильде отчасти маскировалась болѣе сильнымъ

развитіемъ циничеки-философской и критической стороны, но богатство творческой его фантазіи проявилось съ замѣчательною мощью въ волшебныхъ сказкахъ. Два напечатанныхъ имъ тома сказокъ „The Happy Prince“ и „A House of Pomegranates“ великолѣпны по мысли и изложенію. Отъ нихъ какъ бы вѣетъ гениемъ Ганса Андерсена.

Оскаръ Вильде надняхъ закончилъ пьесу, заказанную ему дирекціей Геймаркетскаго театра и собирается написать еще двѣ другихъ,—комедію и трагедію въ стихахъ, озаглавленную „The Cardinal of Avignon“. „Опахало лэди Виндерманъ“ — пьеса, о которой самъ авторъ говорилъ, что единственное дѣйствующее въ ней лицо, именно опыхало, имѣло большой успѣхъ. Другая пьеса „Salomé“, постановка которой на сцену была запрещена административнымъ порядкомъ, вышла надняхъ въ печати.

Остается упомянуть еще о весьма популярномъ теперь въ Англіи поэтѣ Эдвинѣ Арнольдѣ, авторѣ двухъ поэмъ бѣлыми стихами: Light of Asia и The light of World. Въ первой изъ нихъ описывается жизнь Будды, а во второй житіе Христа Спасителя. „Свѣточъ Азіи“ хотя и не можетъ быть признано поэтическимъ произведеніемъ, обладаетъ всетаки крупными литературными достоинствами. Жизнь Будды рассказана въ немъ замѣчательно хорошо, а такъ какъ въ Англіи читающая публика имѣетъ весьма смутныя, чтобъ не сказать хуже, представленія о поэзіи, то нѣтъ ничего удивительнаго, что „Свѣточъ“ былъ признанъ образцовой поэмой, а его авторъ настоящимъ поэтомъ. Извѣстно, что лже-поэты имѣютъ привычку рано или поздно изобличать себя сами. На этотъ разъ такъ и случилось. Арнольдъ недавно написалъ другую поему „Свѣтъ міра“, въ которой на протяженіи двадцати или тридцати стиховъ сравниваетъ, между прочимъ, Марію Магдалину съ горой, увѣнчанной снѣгами. Вообще съ художественной точки зрѣнія поэма эта также плоха, какъ и извѣстное сочиненіе архидіакона Фаррара — „Жизнь Христа“, которое имѣло огромный денежный успѣхъ. Авторъ держится какъ разъ на рубежѣ свободомыслія, согласующагося еще съ воззрѣніями умѣренно „развитыхъ“ кліентовъ книжныхъ лавокъ въ Гросвенорской галлерей и магазина фирмы Мюди. Перейти за этотъ предѣлъ онъ не рѣшается. Несомнѣнно, что эта поэма написана именно съ утилитарной, а ни съ какою иною цѣлью. Она является въ высшей степени характернымъ воплощеніемъ стремленій, преобладающихъ теперь въ англійской литературѣ.

Литература въ Германіи.

Въ сужденіяхъ о литературѣ современной Германіи никакъ не минуешь политики. Германія—государство съ особеннымъ видомъ милитаризма. Она поглотила больше желѣза и крови, чѣмъ сколько въ состояніи былъ воспринять ея организмъ. Нѣмцевъ стремятся сдѣлать одновременно героями и лакеями, учеными и образованными, просвѣщенными и набожными до ханжества, современными мыслителями и средневѣковыми феодалами. Нѣмцы должны повелѣвать вселенной и вмѣстѣ съ тѣмъ носить намордникъ. И несмотря на всѣ эти противорѣчія, они представляютъ изъ себя, съ военной и политической точки зрѣнія, могущественную массу, народъ, сплоченный желѣзомъ.

Но душа Германіи больна. Покоя нѣтъ, веселье и довольство отсутствуютъ. А въ такомъ состояніи духа люди готовы на все. И вотъ это-то состояніе народа всецѣло отражается на нѣмецкой литературѣ. Вся молодая, свѣжая часть ея находится въ состояніи протеста и подъ надзоромъ. Ни государство, ни имперія, ни народъ, въ античномъ смыслѣ этого слова, не интересуется литературой. Это предоставляется полиціи.

Литература — это свободная мысль, умъ избавленный отъ оковъ и цѣпей. Но развѣ такія понятія могутъ существовать въ странѣ, гдѣ царитъ милитаризмъ и гдѣ все считается неважнымъ внѣ дисциплины. Первый попавшійся тушица изъ солдатъ для милитаризма значитъ больше, нежели изящнѣйшій изъ поэтовъ, самый ограниченный изъ военныхъ болѣе уважаемъ, нежели лучшій изъ романистовъ, какой-нибудь уродъ, титулуемый „Geheim-Rat“, занимаетъ въ обществѣ болѣе высокое положеніе, чѣмъ первый изъ драматурговъ.

Среди правящихъ классовъ литература одобряется только въ томъ случаѣ, если она либо льститъ самолюбію, либо даетъ легкое развлеченіе. Молодые писатели, насколько они проявляютъ характеръ и идутъ по прямой дорогѣ къ правдивости, не читаются высшими классами. Что касается простого народа, то онъ знакомится и интересуется литературой лишь постолько, постолько она потакаетъ его страсти къ социализму и къ другимъ ученіямъ пролетаріата. Такимъ образомъ независимая истинная литература не имѣетъ угла ни въ душѣ массы населенія, ни въ сердцѣ высшихъ классовъ.

Остальная же часть народа — среднее сословіе — имѣетъ еще менѣе общаго съ литературой. Нѣмецкій бюргеръ пьетъ пиво, играетъ въ кости, въ домино, поетъ, бранится, но